

Е.В. Конева

ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ В СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Конева Е.В. Особенности мышления в субъект-субъектных видах деятельности // Психологический журнал. Т.17, № 6. 1996. С. 82-94. (Также см.: Хрестоматия по общей и прикладной психологии. Учебное пособие / Под ред. Проф. А. В. Карпова. Москва – Ярославль, 2001. С. 260-278.)

Мыслительная деятельность любого профессионала разворачивается в двух сферах: с одной стороны, во взаимодействии с предметной составляющей данного труда, с другой — в ходе общения с коллегами, руководителями и подчиненными. Психология мышления в практической деятельности занималась до сих пор изучением почти исключительно первой сферы. Это безусловно правомерно в отношении профессий, «общенческая» составляющая которых невелика, например, рабочих промышленного предприятия [6]. Объектные проблемные ситуации нередки и в тех видах деятельности, где общение играет значительную роль. Они могут возникать, в частности, при постановке врачебного диагноза [14]. По сути объектной является задача по расстановке смены в деятельности мастера на производстве [7].

Такого рода задачи в «общенческих» профессиях изучены лучше, чем те, проблемность в которых возникает именно в связи с процессом взаимодействия профессионала и его партнера: преподавателя и студента, учителя и ученика, врача и больного, следователя и свидетеля. Само по себе наличие проблемности в «общенческой» составляющей профессиональной деятельности не вызывает сомнения. Несмотря на это, реального изучения специфики проблемных ситуаций в такого рода профессиях мы в литературе не находим. Казалось бы, богатый материал в этом отношении может дать нам конфликтология. Конфликт в ходе общения, бесспорно, приводит к активному подключению мыслительных процессов. Более того, отмечается общая тенденция повышения творческого потенциала личности в связи с обострением конфликта [9]. Однако рассмотрение самого определения конфликта, данного, например, в психологическом словаре [12], — показывает ограниченность применения этого понятия к ряду субъективных трудностей в общении. Так, многочисленные примеры подобного рода дает наша практика консультационной работы с профессионалами, деятельность которых связана с приемом посетителей.

Работники служб социальной защиты описывают, например, (с некоторыми вариациями) следующий эпизод их деятельности. На прием приходит пенсионерка, недовольная размером своей пенсии и объемом социальных льгот. Посетительница перечисляет лишения, которые ей приходится терпеть, ссылаясь при этом на соседку или знакомую, пенсия которой выше. Реальных оснований для повышения денежного содержания этой посетительницы нет, но социальный работник бессилен ей это объяснить. В ответ она вновь перечисляет свои невзгоды.

Общение в данном случае может быть более или менее длительным, более или менее эмоциональным. Но это лишь внешне конфликт. Во-первых, в данной ситуации нет необходимой для конфликта противоположности интересов. Возможно, пенсионерка и посчитала бы работника социальной службы своим противником, который «не хочет ей помочь». Однако сам администратор с этим бы не согласился, так как он «как раз помогает», стремится разобраться в вопросе и объяснить посетительнице то, что необходимо. Кроме того, весьма расплывчатым является сам предмет конфликта. Если предположить, что предметом в данном случае являются деньги, то приходится признать, что обе взаимодействующие стороны имеют в виду разные деньги: посетительница — требуемые ей для терпимой жизни, а администратор — обусловленные пенсионным законодательством.

Однако несомненно, что описанный эпизод представляет собой проблемную ситуацию, по крайней мере, для работника социальной службы. Психологу-консультанту она предъявляется именно как прерывающая нормальный ход деятельности, требующая поис-

ка выхода, причем имеющиеся у профессионала средства недостаточны для ее разрешения. Иначе говоря, налицо основные признаки проблемной ситуации.

Таким образом, не все трудности во взаимодействии с партнером могут быть описаны в терминах конфликта. Соответственно, для них не вполне адекватен и тот понятийный и методический аппарат, который разработан применительно к конфликту. Наличие конфликта можно рассматривать как один из частных случаев развития проблемной ситуации в общении: субъект, вступающий в конфликт, обычно уже совершил некоторую мыслительную работу. Проблемная ситуация, по-видимому, переросла в задачу, то есть произведен анализ условий, в которых развивается взаимодействие, и субъект выработал соответствующее решение. ...

Нами было предпринято изучение коммуникативных мыслительных задач, решаемых представителями ряда профессий. В экспериментальную группу входили врачи (20 человек), учителя (15 человек), преподаватели вузов (20 человек) следователи (15 человек). Основная цель исследования состояла в создании типологии «общенческих» мыслительных задач, характерных для различных видов деятельности. Предполагалось, что возникающие в ходе общения проблемные ситуации имеют профессиональную специфику и в то же время обладают общими чертами в соответствии с теорией мышления в практической деятельности [7].

МЕТОДИКА

Основная методика исследования выглядела следующим образом. Экспериментатор объяснял испытуемому суть понятия «проблемная ситуация»: «Это такой момент в деятельности, когда она не может продолжаться дальше из-за возникающего затруднения. Выход из этого затруднения неочевиден, то есть профессионал в первый момент «не знает, что делать». Тем не менее, найти выход необходимо для дальнейшего осуществления деятельности». Затем испытуемому предлагалось вспомнить ряд ситуаций, в которых был задействован партнер (пациент, ученик, подследственный и т. д.), и которые носили проблемный характер. Для облегчения актуализации в памяти таких ситуаций был составлен опросник, напоминающий репертуарный список методики Келли, содержащий, например, следующие задания: «Вспомните, пожалуйста, первую проблемную ситуацию, которая возникла в Вашей профессиональной деятельности», «припомните эпизод взаимодействия с партнером, проблемность которого была обусловлена Вашими личностными чертами» и т.д.

После того, как испытуемый давал описание той или иной ситуации, ему задавались следующие вопросы.

1. В чем, на Ваш взгляд, заключалась проблемность этой ситуации, что конкретно заставляло искать выход из нее?

2. Какое было найдено решение и на какой критерий Вы ориентировались в поисках этого решения?

3. Удовлетворены ли Вы тем, как была разрешена ситуация?

Первый вопрос был необходим потому, что само по себе внешнее содержание ситуации (или повод, по которому партнеры вступали во взаимодействие) не определяет характер проблемности.

Например, недовольство пациента тем, что ему не назначают каких-то, по его мнению, необходимых для лечения процедур, может не явиться основой для возникновения у врача проблемной ситуации, но может и породить проблемность, причем разного рода.

Так, пациент может указать на какую-то ошибку врача, и тогда суть проблемы будет состоять в необходимости исправить собственную оплошность (так как больной нередко лучше знает свой организм, свои реакции на действие каких-то лекарственных препаратов, и в этом случае врач прислушивается к его мнению). Но если недовольство больного выражается в нетактичной форме, проблемность будет связана с угрозой авторитету врача.

Характер проблемности, в свою очередь, не детерминирует жестко требования к результату решения. Вызвать проблему может, например, угроза авторитету профессионала или нарушение партнером установленных правил, а в процессе поиска выхода из ситуации ведущим мотивом может стать сохранение хороших отношений с партнером. Решение, найденное в результате такого изменения иерархии мотивов, часто не удовлетворяет его автора. Таким образом, второй и третий вопросы позволяли выявить основное направление, на котором происходил поиск решения, а также степень, в которой решение способствовало дальнейшему успешному ходу деятельности.

Что же касается содержания самих вопросов анкеты, то не было принципиально важным, чтобы испытуемый актуализировал в памяти ситуацию, прямо соответствующую вопросу. Например, на вопрос о первой проблемной ситуации испытуемый может рассказать просто о каком-то давнем эпизоде своей деятельности. Вопросы как таковые являлись толчком к припоминанию.

Рассказанные испытуемыми эпизоды их деятельности рассматривались с точки зрения характера проблемности и требования к результату решения. Впоследствии был применен частотный анализ, что позволило сравнить особенности мыслительных задач, решаемых профессионалом в различных видах деятельности.

Если испытуемый предъявлял в качестве проблемной ситуации эпизод, заключающийся в несоблюдении подчиненным ему лицом (пациентом, учеником или студентом) своих обязанностей, связанных с лечением или учебой, ситуация относилась к виду «нарушение партнером установленных правил». Проблемность в таких ситуациях вызвана не столько реальной угрозой успешности деятельности, сколько самим фактором нестандартного поведения партнера, обязанного, по мнению профессионала, вести себя стандартно. Например, ученик носит раздражающую учителя одежду или прическу, больной курит в отделении.

В ряду случаев испытуемый подчеркивал в эпизоде ту сторону, которая связана с неуважительным отношением к нему. Например, «больной пытается диктовать мне метод его лечения, хотя ничего в этом не смыслит, а я учился этому 6 лет». Такого рода ситуации мы относили к виду «угроза авторитету профессионала».

Те случаи, когда испытуемый отмечал, что запланированные им действия не могут быть произведены из-за расхождения ожидаемого и реального поведения партнера, были отнесены нами к проблемным ситуациям вида «несоответствие поведения партнера прогнозу».

Нерегламентированность (по сравнению с другими профессиями) деятельности преподавателя способствует возникновению проблемных ситуаций при приеме у студента очередной передачи или при решении вопроса о допуске-недопуске его к экзамену. Проблемность, по словам испытуемых, вызвана тем, что студент так или иначе претендует на снисхождение, а у преподавателя нет твердой внутренней позиции относительно правомерности этих претензий. Такого рода ситуации мы отнесли к виду «нечеткость установленных правил, возможность их варьирования».

В деятельности следователя выделился особый вид проблемности, который мы обозначили «противоречие между требованиями инструкции и практическими потребностями». В эту группу вошли случаи, когда профессионал мог получить от подследственного определенную информацию ценой, например, предоставления ему неположенной льготы.

Выделились также группы ситуаций, обозначенные нами как «необходимость исправить собственную оплошность» и «противоречие между личными взаимоотношениями с партнером и выполнением служебного долга». Критерии отнесения проблемных эпизодов к этим двум группам, на наш взгляд, не требуют пояснения.

Распределение проблемных ситуаций по требованию, предъявляемому профессионалом к их решению, производилось на основании ответов испытуемых на второй дополнительный вопрос. Например, если врач говорил, что он был заинтересован в отстаивании своей позиции и не хотел идти на поводу у больных, ситуация относилась к типу «сохра-

нение авторитета врача». И, наоборот, если он заявлял, что «не хотелось портить отношения с этим больным», ситуация по требованию к решению выглядела как «сохранение хороших отношений с партнером».

В качестве дополнительного метода использовался тест личностных конструктов Келли.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты анализа полученного материала представлены в табл. 1.

Таблица 1

Виды проблемности в различных профессиях

Вид		% от общего количества проблемных ситуаций в данной профессии			
		врачи	учителя	преподаватели	следователи
1.	Нарушение партнером установленных правил	43	59	16	6
2.	Угроза авторитету профессионала	20	14	18	30
3.	Несоответствие поведения партнера прогнозу	15	21	21	18
4.	Противоречие между личными взаимоотношениями с партнером и выполнением служебного долга	16	-	13	39
5.	Необходимость исправить собственную оплошность	6	6	6	-
6.	Нечеткость установленных правил, возможность их варьирования	-	-	26	6
7.	Противоречие между требованиями инструкции и практическими потребностями	-	-	-	6

Несмотря на незначительные вариации, набор видов проблемных ситуаций в различных профессиях в целом одинаков. Сходно и их процентное соотношение. В него входят эпизоды, которые теоретически, возможно, следовало бы отнести к конфликтным ситуациям внутриличностного плана. Это, например, «угроза авторитету профессионала». Данный вид проблемности чаще всего является следствием дефектов самооценки. Но в практической деятельности подобная ситуация воспринимается субъектом именно как «общенческая» мыслительная задача и потому, что она исходит от партнера, и потому, что решать ее нужно средствами общения. Следовательно, уже на этом этапе выделения субъектом проблемной ситуации мы наблюдаем проявление одного из свойств мышления профессионала — особую организацию знаний, позволяющую быстро и с максимальной возможной эффективностью перерабатывать поступающую информацию [5, 8, 13].

Другое важнейшее свойство мышления в практической деятельности, неоднократно отмечаемое в литературе (например, [7]), обуславливает наличие проблемных ситуаций, которые в табл. 1 зафиксированы под номерами 4, 6, 7. Речь идет о «податливости» мыслительного материала, с которым имеет дело субъект. Понятия «инструкция», «правило», «служебный долг» в мышлении практика имеют как бы некоторую растяжимость. Иначе говоря, их можно изменять, до определенных, конечно, пределов. Степень изменения внутри этих пределов определяется зависимостью от многих обстоятельств, составляющих конкретную ситуацию.

Данные табл. 1 отражают постановку проблемной ситуации, точнее, выделение ее из потока деятельности. Данные по требованиям к результату дают представление непо-

средственно о решении мыслительной задачи (табл. 2). Однако на основе лишь количественных результатов сколько-нибудь полной картины этого процесса составить, разумеется, невозможно. Рассмотрим под этим углом зрения отдельные профессии, используя не только количественный, но и качественный материал, что позволит выявить своеобразие мышления представителей каждого вида деятельности.

Таблица 2

Требования к результату решения проблемных ситуаций у профессионалов различного профиля

Требования	% от общего количества проблемных ситуаций в данной профессии			
	Врачи	учителя	Преподаватели	Следователи
1. Сохранение авторитета профессионала	34	21	19	19
2. Сохранение хороших отношений с партнером	16	—	18	31
3. Следование индивидуальному подходу, поддержка проявления индивидуальности	—	21	19	—
4. Следование формальным требованиям	12	28	18	9
5. Обеспечение высокого качества деятельности	22	19	19	25
6. Сохранение хороших отношений с коллегами и администрацией	16	11	7	16

РЕШЕНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА.

Разрешая проблемные ситуации, возникшие в общении с пациентом, врач чаще всего ориентируется на требование к результату, которое мы обозначили как «сохранение авторитета профессионала». Это означает, что решение, каким бы оно не было, способствует укреплению профессиональных позиций субъекта мышления (по крайней мере, присутствует стремление отстоять эти позиции, не допускать их ущемления). Конкретное решение может выглядеть по-разному: возможно, профессионал «поставит на место» пациента, который ведет себя, с его точки зрения, нетактично, или попытается объяснить больному, например, необходимость того или иного метода лечения. Неизменной же является ориентировка на защиту своего авторитета как профессионала. В качестве ведущего этот тип требований выступает как в целом в группе врачей, так и, в частности, у многих испытуемых. В то же время ряд профессионалов ориентируется в основном на другие требования к решению, например, «сохранение хороших отношений с партнером». При этом у подавляющего большинства испытуемых имеется то или иное преобладающее требование к решению.

Изучая коммуникативные мыслительные задачи в данном виде профессиональной деятельности, мы поставили цель выяснить, как предпочитаемый тип требований к решению влияет на построение субъектом «условий» мыслительной задачи. Так как мыслительная задача представляет собой результат учета многообразных обстоятельств, составляющих проблемную ситуацию, интересно изучить закономерности, которым подчиняется этот процесс. В проблемных ситуациях, порождаемых общением, по-видимому, основную совокупность данных, которые учитывает субъект, составляют особенности партнера по общению. Следовательно, представления о партнере являются одним из факторов, влияющих на постановку проблемы и специфику ее решения.

Основываясь на этом предположении, мы предприняли изучение той части субъективной картины мира профессионала (врача), которая связана с категорией людей, непосредственно включенных в его деятельность [11].

Применялась методика личностных конструкторов Келли, позволяющая выявить систему бинарных оппозиций, используемых субъектом для категориального описания себя и других людей. Испытуемому предъявлялся ролевой список, включающий такие формулировки, как «Ваш первый больной», «Больной, который запомнился Вам как человек», «Больной с органическими нарушениями мозга» и т.д. Получив набор элементов, выявляли конструкторы с помощью метода триад.

Полученную совокупность конструкторов можно разделить на три категории: нравственные, эстетические и интеллектуальные. Выделяя эти группы, мы воспользовались моделью, предложенной Е.И. Головахой и Н.В. Паниной [2], имея в виду, что указанные названия категорий условны. Отнесение употребляемых испытуемыми конструкторов к одной из групп происходило с помощью экспертной оценки. Результаты каждого испытуемого предлагались трем экспертам, в качестве которых выступали студенты 5-го курса факультета психологии. К нравственным конструкторам относились, например, следующие: душевные — пустые, интересные в общении — неинтересные, общительные — замкнутые, покладистые — строптивые. Эстетические определялись критерием внешней привлекательности и включали такие понятия, как приятные — неприятные, аккуратные — неопрятные, внешне преобразившиеся после болезни погрузившиеся в нее, несмотря на выздоровление и т.д. Интеллектуальные конструкторы выглядели примерно следующим образом: умные — сниженный интеллект, эрудированные — ограниченные.

Среди испытуемых выделилось три группы, различающиеся по преобладанию в восприятии больного определенной категории конструкторов. Сопоставив особенности конструктивной системы испытуемых и характеристик мыслительных задач, решаемых ими, мы получили следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3

Связь преобладающего типа конструкторов с особенностями мыслительных задач

№ группы испытуемых	Преобладающий тип	Суть проблемности, преобладающей в задачах испытуемых данной группы	Требование к результату задачи, преобладающее у испытуемых данной группы
1.	Нравственные	Противоречие между выполнением профессионального долга и отношением к личности больного Несоответствие поведения партнера (больного) прогнозу	Сохранение хороших отношений с больным
2.	Эстетические	Угроза авторитету врача	Сохранение хороших отношений с администрацией
3.	Интеллектуальные	Нарушение партнером установленных правил	Следование формальным требованиям Сохранение авторитета врача

Таблица показывает, что определенный способ оценки социальных объектов связан со склонностью субъекта выделять в деятельности проблемные ситуации определенных видов и ориентироваться при поиске решения на ограниченный круг критериев. Иначе говоря, способ категоризации социального мира, по-видимому, влияет на «условия» мыслительной задачи и в какой-то степени на ход ее решения. Понятно, что, выделяя в сложив-

шейся ситуации тот или иной вид проблемности, субъект тем самым задает направление дальнейшего анализа этой ситуации. Осуществляется поиск информации, необходимой для решения именно этой задачи, оцениваются различные обстоятельства, способные влиять на исход решения. Однако последний в большей степени зависит не от вида проблемности, к которому тяготеет субъект, а от требований, которым, по его мнению, должен подчиняться результат. Поэтому следует анализировать целиком триаду «преобладающая группа конструкторов — преобладающий вид проблемности — преобладающий тип требований, предъявляемых к результату решаемой задачи». В этой триаде первичным, вероятно, является способ категоризации социальных объектов.

Рассмотрим специфику профессионального мышления той группы испытуемых, которые при восприятии партнеров по общению чаще всего пользуются нравственными конструктами. Оба преобладающих у них вида проблемности отражают склонность этих испытуемых к анализу личностных качеств больного, формированию некоторых ожиданий в отношении его поведения. Иначе говоря, партнер рассматривается именно как субъект, а не как объект каких-либо воздействий. Не случайно в качестве требований к результату решения у этой группы врачей чаще всего выступает «сохранение хороших отношений с больным». Эстетические критерии, которыми предпочитают пользоваться испытуемые второй группы, безусловно, менее глубоки с точки зрения познания субъектом партнера по общению. Сопровождающий такой способ восприятия вид проблемности – «угроза авторитету врача» — также свидетельствует о преимущественной ориентировке субъекта, решающего мыслительную задачу, на себя, а не на больного. Сохранение хороших отношений с администрацией, выступающее для испытуемых этой группы в качестве преобладающего требования к результату решения задачи, вероятно, позволяет субъекту мышления выйти из сложной ситуации, опираясь на чужой авторитет и с наименьшими издержками для себя.

Наиболее жесткой и прямолинейной по отношению к партнеру выглядит позиция испытуемых третьей группы. В «условиях» мыслительной задачи у них как бы не присутствует другой субъект (т. е. больной) как личность. Задача по сути является объектной, так как проблемность ситуации заключается в нарушении партнером установленных правил. Будучи более или менее целесообразными и оправданными, эти эпизоды общения не берут в расчет партнера как человека, сам же он входит в мыслительную задачу лишь как потенциальный нарушитель установленного порядка. Это его свойство, по-видимому, оказывается наиболее значимым для субъекта мышления (врача). Заметим, что у испытуемых первой группы, когнитивная картина которых значительно богаче, чем у врачей, вошедших в третью группу, проблемные ситуации вида «нарушение партнером установленных правил» встречаются редко. Без сомнения, они также сталкиваются с подобными эпизодами, на основе которых, однако, возникает проблемность другого рода.

РЕШЕНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА.

Как отмечалось выше, в число наших испытуемых вошли две группы людей, связанных с преподаванием: школьные учителя и преподаватели вузов. При внешнем сходстве эти виды профессиональной деятельности существенно различаются по некоторым особенностям мышления. Обращаясь к табл. 1, мы видим, в частности, несовпадение перечней видов проблемности, характерных для представителей этих двух групп испытуемых. Так, у учителей максимальный из всех изученных профессий процент проблемности, связанной с нарушением партнером установленных правил. Иначе говоря, школьные учителя чаще других бывают озабочены тем, что субъект, с которым они взаимодействуют, поступает не в соответствии с их представлением о порядке. Разумеется, нельзя считать, что в любом случае возникающая проблемность — следствие лишь субъективной фиксации профессионала на каких-либо не имеющих реального смысла правилах, его ригидности и т. д. Нередко нарушения учащихся представляют собой проступки, входящие в противоречие с элементарными общечеловеческими (а не школьными) моральными

нормами. В этом смысле учителя находятся в объективно неравных условиях по сравнению с другими профессионалами, в том числе, со следователями, чьи партнеры, находясь в непосредственном контакте с представителями правоохранительных органов, предпочитают не вступать с ними в конфликт. Т.е. высокий процент возникающих у учителей проблемных ситуаций вида «нарушение партнером...» обусловлено не особенностями их профессионального мышления, а спецификой выполняемой деятельности.

Однако если мы обратимся к анализу требований, предъявляемых учителем к результату решения мыслительной задачи, то обнаружим, что у учителей имеется выраженное предпочтение определенного типа требований: «соблюдение формальностей». На практике это означает, что субъект мышления разрешает проблемную ситуацию, исходя из того, что в любом случае установленный порядок должен быть соблюден. Как видно из табл. 2, подобный тип требований к решению задачи не занимает такого места ни в одной другой профессии.

Анализируя систему конструктов, используемую учителями для характеристики партнеров по общению, мы столкнулись с тем, что к ней с трудом можно применить ту классификацию, которую мы использовали в аналогичных целях с испытуемыми-врачами. Целесообразнее поделить их по основанию «связанные или несвязанные с учебной деятельностью и общественной работой в школе». К первой категории относятся конструкты, подобные следующим: «внимательный на уроках — легко отвлекается», «ответственно относится к поручениям — может подвести»; ко второй категории — «может попасть под влияние дурной компании — может противостоять чужому отрицательному влиянию», «имеет увлечение — не имеет увлечения».

Мы предположили, что количество внеучебных конструктов, используемых учителем для характеристики партнеров по общению (учеников), связано с особенностями постановки проблемных ситуаций и их решения. Основанием для такого предположения послужили данные о том, что лица с высокой когнитивной сложностью более успешны в общении, в частности, лучше предупреждают конфликты [1]. Среди испытуемых-учителей выделились две группы: в когнитивной системе первых отсутствовали «внеучебные» конструкты, вторые использовали их при характеристике учеников. Однако сравнение этих групп по составу проблемных ситуаций и требованиям к их решению не показало какого-либо различия. Другими словами, лучшее знание учеников, более полное отражение их личностных качеств не связано с учетом в мышлении их индивидуальности и с ориентировкой на партнера при постановке и решении мыслительных задач.

В отличие от школьных учителей, практически все преподаватели вузов, вошедшие в нашу выборку, используют в характеристике партнеров по общению (студентов) «внеучебные» конструкты. Набор проблемных ситуаций и требований к их решению у данной группы испытуемых наиболее ориентирован на партнера по сравнению с представителями других профессий: у преподавателей самый низкий процент проблемных ситуаций вида «нарушение партнером установленных правил», максимальный процент стремления сохранить хорошие отношения с партнером, относительно низкое процентное содержание ситуаций, решаемых с ориентацией на «следование формальным требованиям».

РЕШЕНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ.

По набору проблемных ситуаций деятельность следователя отличается от прочих изучаемых нами профессий: отсутствуют некоторые категории, имеется группа ситуаций, не представленная у профессионалов другого профиля. Процентное содержание общих с другими профессиями категорий проблемных ситуаций в деятельности следователя также иное. Безусловно, такая картина определяется требованиями выполняемой испытуемыми деятельности. В частности, в ней, как ни в одной другой из исследованных нами, присутствует большое количество моментов, четко регламентированных различными правилами и положениями, которые, однако, традиционно нарушаются. Обстоятельства, предшествующие этому нарушению (или отказу от него), часто содержат в себе проблемность.

Вместе с тем, в немалой степени мышление следователя определяется и личностными качествами представителей этой профессии. Так, в работе, проведенной под нашим руководством С. И. Литченковой [9], показано, что одним из профессионально важных качеств юриста является подозрительность (измеряемая с помощью опросника Кетелла — фактор L). Этим обстоятельством, по всей вероятности, объясняется очень высокий процент проблемных ситуаций «угроза авторитету профессионала», зафиксированных у представителей этой профессии. Данную особенность мышления следователя, в конечном итоге, также можно рассматривать как деятельность обусловленную: личностные качества профессионала изменяются в ходе профессионализации; значение фактора L по-Кетеллу, в частности, выше у следователей, чем у испытуемых, не имеющих стажа работы в следственных органах [3].

В построении «условий» мыслительной задачи также обнаружен феномен, характерный лишь для представителей данной профессии. Речь идет об уникальной субъективной классификации партнеров по общению, используемой следователями. Лица, с которыми общаются следователи, подразделяются ими на две большие группы. В первую входят следующие категории граждан: несовершеннолетние, старики, матери, лица кавказской национальности. Вторую группу образуют «прочие». Обратим внимание на то, что в состав первой группы входит несколько категорий лиц, каждая из которых выделена по основанию, не совпадающему с другими: правовой статус, возраст, семейный статус, национальность. Объединяет их, по мнению испытуемых, большая опасность в плане возникновения коммуникативных проблемных ситуаций в ходе взаимодействия с ними. Кроме того, как уже было отмечено, принадлежность партнера к той или иной группе важна с точки зрения разрешения возникшей проблемной ситуации.

В отношении первой группы решение чаще ищется в направлении «сохранение хороших отношений с партнером» и «защита авторитета следователя». Нередко эти направления присутствуют в решении одновременно в разных пропорциях. Сами следователи легче рефлексуют не общие требования к решению мыслительной задачи, а приемы, с помощью которых достигается обеспечение этих требований. Для партнеров первой группы адекватными, по мнению следователя, приемами являются уговоры, объяснения, убеждение. Во второй группе чаще применяется разговор по душам, предоставление партнеру значимой, но труднодоступной информации, более жесткий прием — постановка перед фактом. Существует также специфический прием в работе с лицами кавказской национальности: разговор с ними через переводчика на родном языке. Беседы со следователями, впрочем, показывают, что они учитывают наличие «своего языка» и у некоторых других категорий партнеров по общению, например, у несовершеннолетних, и также осуществляют своеобразную «подстройку».

Сказанное позволяет сделать еще одно предположение о влиянии особенностей профессиональной деятельности на мышление следователя. Профессионалы этого профиля мало зависят в своей деятельности от партнеров по общению (подследственному гораздо сложнее пожаловаться на следователя или потребовать его замены, чем пациенту, имеющему дело с грубым или некомпетентным врачом). К тому же специфика контингента, с которым работает следователь, не располагает к подлинно партнерскому взаимодействию с большинством подследственных. Однако успех работы с ними во многом определяет карьеру юриста. В результате общение в этой диаде приобретает «псевдопартнерский» характер, носящий черты манипулятивности.

Отмеченная черта общения отражается и на особенностях мышления. В проблемных ситуациях представителей всех профессиональных групп обычно выделяются две ступени (на основе каждой из них формулируется самостоятельная задача). Первая ступень отражает тот момент деятельности, когда субъект отмечает «что-то не так», и деятельность не может продолжаться с использованием привычных средств и способов. Например, учителю неожиданно нагрубил ученик; врач обнаружил, что пациент весь предшествующий период лечения игнорировал его важные рекомендации. Обобщенно говоря,

эта ступень фиксируется в вопросе «Что делать?» (можно «не заметить» данного рассогласования и промолчать; уйти от взаимодействия временно или избегать его в дальнейшем вообще; можно энергично и незамедлительно отреагировать; существует множество других вариантов, предпочитаемых или отвергаемых, в зависимости от условий складывающейся мыслительной задачи). Вторая ступень фиксируется в вопросе «Как осуществить выработанное на первой ступени решение?». Речь идет о средствах взаимодействия с партнером, определение которых часто вырастает в проблемную ситуацию, точнее, во вторую ее ступень. Мы объединяем обе ступени в единый феномен, во-первых, потому, что они обычно подчиняются общему требованию к решению, во-вторых, в силу того, что субъекту они предстают как единая мыслительная задача.

Если представители большинства исследованных нами профессий легче актуализировали первую ступень проблемной ситуации, то следователи, например, отчетливее осознавали вторую. Этот факт, по-видимому, и отражает манипулятивный характер общения профессионалов данного профиля.

ВЫВОДЫ

Обобщая изложенные выше данные, отметим, что в мышлении профессионала обнаруживаются следующие черты:

1. Выделение из потока деятельности определенных видов проблемных ситуаций. Некоторые из этих видов специфичны для той или иной конкретной профессии. Большая часть является общей для разных сфер деятельности. Содержание многих мыслительных задач прямо указывает на деятельностьную обусловленность: возникшего затруднения. Таковы, например, задачи, основывающиеся на проблемных ситуациях «противоречие между личным отношением к партнеру и выполнением служебного долга», «защита авторитета профессионала».

2. Тяготение при решении задач к определенному, приблизительно представляемому результату, что мы обозначили как «наличие требования к результату решения». Существуют различия в наборе и процентном соотношении требований к решению в различных профессиях. Безусловно, это связано с различным содержанием деятельности и теми требованиями, которые она, в свою очередь, предъявляет профессионалу. Например, поддержка проявлений индивидуальности является, собственно, одной из задач обучения, но такая направленность действий, конечно, нетипична для работы врача или следователя.

В то же время есть немало сходного в различных изученных нами видах: деятельности, если анализировать их по этому параметру. В частности, обращает на себя внимание довольно высокий во всех профессиях процент требований «сохранение авторитета профессионала» и «соблюдение формальности». По-видимому, это особенность всех иерархически организованных профессий или говоря иначе, профессий системы «профессионал — клиент». Эта особенность мышления задается необходимостью сохранять статусно-ролевые отношения без чего невозможно поддержание самой деятельности. Решение ряда проблемных ситуаций требует, напротив, выхода из стандартной профессиональной роли. Но такие проблемные ситуации представляют собой именно эпизоды, не меняющие сути базовых для данной профессии статусно-ролевых связей. Не случайно «общенческие» эпизоды, связанные с нарушением этой системы отношений, становятся одним из предметов социально-психологического тренинга (см., например, [4]).

3. Специфические для данной профессии способы классификации партнеров по общению. Эта специфичность отчетливо проявилась в нашем исследовании профессий следователя и учителя. На примере этих сфер деятельности прослеживается стремление к упрощению, редуцированию личностных особенностей партнера по общению, сведения их к набору качеств, позволяющему «сэкономить» интеллектуальные усилия, необходимые для всестороннего восприятия другого человека. Конструкты, выделяемые врачами, несмотря на их относительное разнообразие, также фиксируют главным образом те каче-

ства, которые характеризуют человека как пациента. Субъективная картина мира социальных объектов (студентов) преподавателя вуза в рамках этого исследования нами подробно не изучалась, но есть основания предполагать, что она в целом несколько сложнее.

4. Наличие у профессионалов одного (чаще — нескольких) приемов взаимодействия с партнером, что учитывается им при решении проблемной ситуации и направляет ее анализ в определенное русло. В нашем исследовании эти приемы обнаружались лишь у следователей, но велика вероятность, что это относится и к другим профессиям.

Обнаруженные феномены, разумеется, не исчерпывают всего многообразие особенностей мышления в субъект-субъектных видах деятельности. В частности наше исследование прямо не затронуло проблему направленности на реализации как общую черту мышления в практической деятельности. Свойственная мышлению профессионала индивидуализация проявляется, безусловно, не только в использовании собственных средств воздействия на другого субъекта. Дальнейшие исследования могут пролить свет на эти проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодалев А.А., Ковалев Г.А. Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика. 1992 № 5—6. С.65—70.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В. Психология человеческого взаимопонимания. Киев, 1989.
3. Григорьева В.В. Изучение профессиональной деформации (на примере профессии «следователь»). Дипломная работа (Яросл. гос. ун-т). Ярославль, 1995.
4. Жуков Ю.М. Эффективность делового общения. М., 1988.
5. Иванова А.Н. О возможных причинах принятия неэффективных решений руководителем // Проблемы мышления в производственной деятельности. Ярославль, 1980. С. 86-99.
6. Конева Е.В. Психологический анализ репродуктивных компонентов мышления профессионала в реальной деятельности. Автореф. дис.... канд. психол. наук. Ярославль, 1987.
7. Корнилов Ю.К. Мышление руководителя и методы его изучения. Ярославль, 1982.
8. Корнилов Ю.К., Конева Е.В. Влияние особенностей профессиональной деятельности на процесс решения мыслительной задачи. Психолого-педагогические проблемы оптимизации деятельности преподавателя вуза. Ярославль, 1984. С. 126—134.
9. Крогиус Н.В. Психология шахматного творчества. М., 1977.
10. Литченкова С.И. Личностные профессионально важные качества в деятельности юриста. Курсовая работа (Яросл. гос. ун-т). Ярославль, 1995.
11. Поберезкая Е.Ю. Исследование коммуникативных мыслительных задач в деятельности врача. Дипломная работа (Яросл. гос. ун-т). Ярославль, 1994.
12. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
13. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
14. Урванцев Л.П. Психология в работе врача. Ярославль, 1993.

СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Конева Елена Витальевна окончила Ярославский государственный университет в 1977 году. После окончания вуза работала психологом на промышленном предприятии. В 1986 году защитила кандидатскую диссертацию. В настоящее время является доцентом кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Сфера научных интересов Е.В. Коневой – общение и мышление в профессиональной деятельности, структура и закономерности функционирования профессионального опыта. Как практический психолог занимается консультированием и обучением персонала различных организаций. Известна также как специалист в области судебно-психологической экспертизы.

Автор более 60 научных работ, двух книг. Член Российского психологического общества, член – корреспондент Международной академии психологических наук.